

Новорожденному апельсины не нужны

Ссылка на статью: <http://www.rusrep.ru/2009/36/deti>

Авторы: Ольга Салий

Как сделать, чтобы матери не оставляли своих детей в роддомах

Каждый год матери бросают в роддомах более десяти тысяч новорожденных, примерно каждый сотый ребенок, едва родившись, остается один. Но число отказников можно уменьшить. Именно этим занимается новосибирская общественная организация «СибМама». И ей это удается: более трети матерей, собирающихся отказаться от своих детей, благодаря ее усилиям меняют свое решение

Мы с Наташей Юрьевой — сотрудникой «СибМамы» — приехали на отказ в новосибирский роддом № 6. Видно, что нас ждут: у медсестер во взглядах интерес и уважение. В конце темного коридора в белой палате на казенной койке сидит мамочка — худенькая и измученная, с каким-то остервенелым взглядом. Это и есть Алеся, к которой мы приехали. Она родила двойняшек и хочет уйти отсюда без них. Алеся весь день обороняется от медсестер, которые пытаются убедить ее забрать новорожденных и упрекают в бездущии. Наташа идет прямо к зареванной женщине, садится рядом и начинает расспрашивать.

Алеся, всхлипывая, рассказывает, что у нее уже есть двое детей от первого мужа. А двойняшки — от мужчины, с которым она прожила почти три года, а перед Алесинами родами «нашел себе молодую». (За время, проведенное с «СибМамой», я уже поняла, что это — вполне типичный случай.) Алеся до самых родов работала в прачечной. И сейчас собирается сразу же выйти на работу, чтобы прокормить старших детей.

— Если бы я была бездущная, то я бы сейчас не плакала, — устало всхлипывает Алеся.

— Я вам могу сказать, — тихо говорит Наташа, — 90% женщин, которые бросают детей, плачут. В домах ребенка сейчас хорошо, там все есть. Но дети все равно отстают в развитии. И с двух лет ждут маму — неосознанно, понимаете? Называют мамами всех теть. И неизвестно, к кому они попадут, может быть, к какой-нибудь старушке, которая их возьмет, чтобы получать опекунские... Устроить двоих детей гораздо сложнее, чем одного, вы, можно сказать, обрекаете детей на детский дом. А из детского дома только 10% выходят нормальными людьми. Остальные 90 — наркоманы и преступники... Вот мой телефон, вы подумайте еще и, если что, звоните. Только обещайте мне, что подумаете. Хорошо?

— Я просто... Я не в силах ничего этим детям дать... Дай бог, чтобы они попали в нормальную семью, — стонет Алеся, раскачиваясь от напряжения.

— А где ваши родители? Они в Новосибирске? — Наташа говорит тихо и уверенно, Алеся немного успокаивается.

— Да, но я им не нужна. Я всю жизнь так жила, я была не нужна. Почему — я сама не знаю.

Наташа начинает обрисовывать Алесе возможное развитие ситуации: она забирает двойняшек и перебирается в материнскую обитель «Каритас» — впятером, со всеми детьми. Там можно отдохнуть

от работы, накопить пособие на четверых детей — это в месяц около двенадцати тысяч рублей. Если же Алеся откажется от двойняшек, то ей придется работать с утра до вечера за шесть тысяч рублей в месяц: пособий на детей она сейчас не получает, потому что ей некогда заниматься их оформлением.

Слушая все это, Алеся продолжает раскачиваться и плакать:

— Все это хорошо, девочки, но больше я никому не верю. Я одному поверила, другому поверила — все. Больше я никому не верю, кроме самой себя. Ни одного козла ни к себе, ни к детям не подпушь...

Для всех мужчин, бросивших женщин, есть одно определение — «этот козел». Те, с кем работает «СибМама», упоминают его весьма часто.

Наташа говорит долго, но Алеся решения не меняет, только непрерывно вспоминает, что ее здесь называли «бездушной».

Мы отправляемся смотреть на малышей. Двойняшки — почти по три килограмма каждый — спокойно лежат в кроватках с приклеенными бумажками «Отказ». Наташа берет девочку на руки — выясняется, что ей нужно менять пеленки. Кроха смешно попискивает, пока ее моют. Наташа задумалась: ей теперь предстоит искать первого мужа Алеси, с которым та все еще не развелась. По закону он теперь многодетный пapa, который должен платить алименты и предоставить детям жилье. Или написать отказ, чтобы двойняшек могли усыновить.

С мамочками в «СибМаме» работают строго по апробированной трехчастной методике. Поступает сигнал из роддома, в котором очередная роженица решила отказаться от ребенка. Кто-то из сотрудников выезжает на вызов. Во время первой беседы необходимо найти пути решения «трудной жизненной ситуации» — именно эту причину чаще всего указывают женщины в отказных заявлениях.

— Когда мы пришли первый раз в роддом, персонал нас слушал, демонстративно повернувшись к нам спинами, — говорит Наташа. — Потому что «пришли непонятно кто, в два раза моложе, да еще и делают вид, что умнее». А сейчас они нас любят...

Услуга

Новосибирская общественная организация «СибМама» — это пять женщин, которые ходят по роддомам и уговаривают сомневающихся родительниц не бросать своих малышей на попечение государства. В России подобная благотворительность — экзотика. Куда привычнее слышать о том, что такой-то бизнесмен устроил в детском доме праздник, привез апельсины, провел конкурс рисунков и т. п. В итоге апельсинов у детей полно, но детский дом от этого родным домом не становится.

Начинали свой благотворительный путь «сибмамы» вполне стандартно: собирали волонтерскую помощь для детей-сирот через новосибирский интернет-сайт. Естественно, прежде чем познакомиться с «сибмамами», я внимательно изучила его содержание. На форуме, созданном специально для сердобольных родителей, мамы наперебой рассказывают о своих чадах. Правило хорошего тона — уменьшительно-ласкательные суффиксы: детки, снеговички, цыплятки... Отправляясь на первую встречу, я рассчитывала увидеть этаких прекраснодушных матрон, сентиментальных и улыбчивых.

— Иванец — это кто? Наркоманка?

— Иванец и Иванцова — не наркоманки.

— Ясно. А может, в ноябре устроим крупномасштабную «Сухую попу»?!

Наше знакомство состоялось на очередном совещании «сибмам», вопреки моим ожиданиям, планерка была очень четко организована, а большинство сотрудниц оказались, в общем-то, девчонками лет по 25.

— Содержание одного малыша в доме ребенка обходится государству в 1460 рублей в день, — с ходу изложила мне суть Саша Марова, президент «СибМамы». — То есть на каждом сохраненном в семье

ребенке государство ежемесячно экономит 43 800 рублей, это — полмиллиона рублей в год.

Саша — миниатюрная брюнетка с модельной внешностью, но взгляд у нее по-мужски невозмутимый и упрямый. Мыслит она как настоящая бизнес-леди: эффективно, алгоритмами, заранее просчитывая все, вплоть до банального похода в магазин.

Очевидно, что основная Сашина цель — вовсе не экономия государственных средств. Занимаясь волонтерством в детских домах, она поняла, что главное — сделать так, чтобы детей в этих учреждениях было как можно меньше. Для достижения этой цели в 2007 году была разработана «услуга по профилактике отказов от новорожденных» — так официально называется деятельность «сибмам».

Первые десять месяцев «СибМама» работала на деньги, «упавшие с неба», — как раз в то время, когда они продумывали новую «услугу», косметическая компания Clarins, вручающая ежегодную благотворительную премию «Динамичной женщине Кларанс», изучала различные проекты по оказанию помощи детям. Результат — в 2007 году Александра Марова стала лауреатом этой премии, образовавшей первый бюджет «Сибмамы» и позволившей реализовать новые планы. За эти десять месяцев удалось убедить забрать ребенка 40% потенциальных отказниц — рекордный результат для России. После таких показателей профилактику отказов даже включили в бюджет Новосибирска. Звонки об отказах сегодня поступают из четырех роддомов — такое взаимодействие с закрытым медицинским учреждением само по себе настоящее достижение для общественной организации, плюс к этому психолог работает с мамами, которые забрали детей, осуществляется сбор и раздача детского питания, игрушек, одежды...

За неполные два года работы удалось сохранить семью для 33 детей из 100 — именно столько поступило звонков из роддомов, с которыми у «СибМамы» заключено соглашение. Эту цифру я сразу мысленно перенесла на общероссийскую статистику: по данным Фонда поддержки детей, в роддомах каждый год оставляют более 10 тыс. детей. Значит, как минимум 3300 из них можно вернуть в семью...

Обитель

Материнскую обитель «Каритас», о которой Наташа рассказывала Алесе, содержит немецкая благотворительная организация. Это огромный кирпичный дом, в котором живут семь мам и девять детей. Примерно половина женщин, попадающих сюда, собирались отказаться от своих малышей из-за тяжелого материального положения или отсутствия жилья.

В Новосибирске таких обителей две, есть еще «Голубка», которую организовали и содержат итальянцы. Государственные социальные службы искренне удивляются, когда «сибмамы», планируя помочь женщине, оставшейся без жилья, привлекают к работе общественные организации и материнские обители. Попасть в обитель сложно: мало кто о них знает, да и 15 взрослых мест — это все-таки маловато для новосибирских 200–300 отказов в год.

Здесь есть все, что нужно маме и ребенку: одежда, коляски, игрушки, еда... Полтора года женщина имеет возможность откладывать пособие на ребенка — от 1800 до 9000 рублей в месяц в зависимости от трудового стажа мамы до родов. Покидая обитель, она уже имеет «первоначальный капитал», чтобы начать жить самостоятельно.

В день нашего приезда в «Каритас» у Петра Соколова,шедшего специалиста по связям с общественностью, появилась головная боль в виде двух тонн йогуртов — спонсорской помощи. Их нужно раздать за два дня, срок годности подходит к концу. Мы ждем, пока мужчины погрузят йогурты в джип Саши Маровой для последующей раздачи отказницам.

— Вот почему нам не удается найти общий язык с бизнесменами. Им приятно прийти в детский дом на праздник, привезти фрукты, и это адресная помощь, адреснее не бывает, — ворчит Саша. — А когда мы им предлагаем оплатить работу сотрудникам и говорим: «Мы даем вам гарантию, что столько-то детей останется в семье», — это им непонятно. Помощь в принципе личное дело каждого. Но все эти апельсины и йогурты формируют позицию иждивенчества: дети выходят из детского дома с четким

пониманием, что «мне все всё должны».

Петр Соколов подключается к беседе, чтобы рассказать о том, как проблему сиротства решают в Германии:

— В Европе детские дома упразднили еще в 1950-е годы, когда медики выяснили, что жизнь в учреждении значительно тормозит развитие малыша. С тех пор дети-отказники временно живут в приемных семьях, пока не находятся усыновители.

Вдобавок таких детей на Западе значительно меньше, чем в России. По словам Петра, в Европе не спешат лишать «проблемную» мать родительских прав, а стараются ей помочь — это гораздо эффективнее, чем забирать ребенка из родной семьи, а потом устраивать его в приемную. Такая же логика работает и в отношении матерей-отказниц.

— И ведь что самое странное, — Петр приподнимает плечи, — материнские обители в России есть, но все они зарубежные. Наших, русских, практически нет. Я этого понять не могу.

У Петра есть приемный сын, которому четыре года и который помнит, как два года назад его возвращали из другой приемной семьи обратно в дом ребенка.

— Папа, мне вот здесь было больно, — объясняет мальчик, показывая кулаком на грудь.

Родственники

Если мать все-таки не может забрать малыша, то «сибмамы» находят родственников и работают с ними — так удается пристроить многих детей.

Света звонила Наташе Юрьевой неделю, но так и не смогла встретиться — просто не приходила. Тогда Наташа решила поговорить со Светиной бабушкой.

— Если она ребенка этого не возьмет сейчас, то совсем погибнет... Она ночами не спит... рыдает... — тоже плача рассказала нам Антонина Федоровна.

Свете 30 лет, она наркоманка. Бабушка воспитывала ее с двух лет, но в последнее время все стало совсем плохо. Бабушка обменяла квартиру в городе на дом в пригороде, чтобы раздать Светины долги, несколько раз пыталась ее лечить — не помогло. Теперь Света родила и оставила ребенка в роддоме, потому что не может справиться со своей зависимостью.

В таком возрасте на бабушку ребенка «не оформлят», даже если она решит его забрать. Наташа предлагает поместить Свету в центр реабилитации, в котором 50% наркоманов избавляются от зависимости, а на это время написать заявление, чтобы ребенка никому не отдали.

Вообще с алкоголиками и наркоманами «СибМамы» практически не работают. Здесь корни проблемы гораздо глубже, чем неустроенность быта, отсутствие зарплаты или жилья. Впрочем, по словам психолога «СибМамы» Ирины Алексеевой, у всех женщин, которые отказываются от ребенка, есть кое-что общее: все они пережили отвержение в детстве.

— Среди них нет ни одной, получившей достаточно любви и поддержки от своей матери. И проблемы, из-за которых мамы оставляют малыша, в основном именно психологические. Ведь по большому счету мы не предоставляем ей жилье, не находим мужа, но когда отрабатываем психологическую проблему, то мама начинает жить с ребенком. И нередко все у них идет хорошо, — говорит Алексеева.

Сопровождение

Когда женщина соглашается забрать ребенка из роддома, работа «сибмам» не заканчивается. К психологу подключается специалист по социальной поддержке, ведь нередко обнаруживается, что она к этому совершенно не готова — не планировала она его домой нести. Возникает множество проблем, начиная с

отсутствия пеленок и заканчивая оформлением справок и пособий.

— Первый год был очень сложный, установочный, — рассказывает Саша Марова. — Мы отрабатывали методику — методом проб и ошибок, было много вопросов: хорошо, ребенка мы оставили, маму сопровождаем, а сколько мы их сопровождать-то будем? Где границы?

— И где же они обнаружились?

— В цели, — уверенно сообщает Саша. — Если мотивация отказа — отсутствие жилья, то ты ее сопровождаешь до момента решения «квартирного вопроса». А если есть психологические трудности, то психолог работает, пока не сведет их к минимуму. И мы видим конкретный результат: раньше женщина шага не могла сама сделать, а теперь планы на будущее строит. Это должно быть четко обозначено, чтобы не формировать у мамы иждивенческую позицию.

— И сколько мам у вас сейчас сняты с сопровождения?

— Большинство. Но мы практически со всеми поддерживаем отношения — к нам часто приезжают за игрушками, детским питанием...

Мы сидим на планерке, она подходит к концу, в комнате царит суматоха. Наташа диктует Марине Аксеновой, директору фонда «Солнечный город», номер телефона директора сети крупных магазинов, готового оказать спонсорскую помощь. Саша заполняет отчет о работе с отказницами.

— В связи с кризисом в планах бюджета на ближайшее время в графе «СибМама» стоит «ноль рублей», — констатирует она.

— И что вы теперь будете делать? — спрашиваю я, ожидая паники.

— Что-нибудь придумаем, — невозмутимо отвечает Саша. В бюджете мы все равно есть, а кризис когда-нибудь кончится...

Профилактикой отказов от новорожденных периодически пытаются заниматься в разных городах России, но каких-то результатов добились пока только Санкт-Петербург, Екатеринбург и Новосибирск. Проблема в том, что в России за отказников отвечают два ведомства: соцзащита и здравоохранение. Здравоохранение считает, что профилактика отказов — это «социалка», функция соцзащиты. Соцзащита полагает, что раз уж здравоохранение курирует роддома и первым сталкивается с отказом — значит, ему и разбираться. В результате брошенными малышами не занимается никто. Остается уповать на общественные организации, но им для эффективной работы часто не хватает не только финансирования, но и навыков.

— Мы разработали четкую методику работы с отказами и предлагаем ее другим регионам — берите, пользуйтесь, — убежденно говорит Саша Марова и с некоторым сомнением добавляет: — Глядишь, со временем и у них дело пойдет.

Фотографии: Ольга Салий